

НИЛ

ГЕЙМАН

ЗВЕЗДНАЯ

ПЫЛЬ

Нил Гейман —
сокровищница
историй.
Стивен Кинг

Э К С К Л Ю З И В

М И Л Л Е Н И У М

Звездная пыль

Нил Гейман

Звездная пыль

«Издательство АСТ»

1998

УДК 821.111-312.2
ББК 84(4Вел)-44

Гейман Н.

Звездная пыль / Н. Гейман — «Издательство АСТ»,
1998 — (Звездная пыль)

ISBN 978-5-17-050923-2

Юноша по имени Тристан отправляется на поиски упавшей с неба звезды для своей возлюбленной. Только он и не подозревает, что эта звезда – молодая девушка с весьма дерзким характером. И становиться подарком для другой она не собирается. Вместе с нашим героем они оказываются в водовороте приключений, в мире, полном самых удивительных созданий. Эта сказка для взрослых стала бестселлером и вдохновила режиссера Мэттью Вона на создание одноименного фильма с участием Роберта Де Ниро, Мишель Пфайффер и Клэр Дэйнс.

УДК 821.111-312.2
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-050923-2

© Гейман Н., 1998
© Издательство АСТ, 1998

Содержание

Глава I	6
Глава II	19
Глава III	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Нил Гейман

Звездная пыль

© Neil Gaiman, 1999

© Дубинина А., перевод

© Мельниченко М., перевод

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Посвящается Джин и Розмари Волф

Песня

Поймай рукой метеорит,
Сорви мне папоротник-цвет,
Найди след чертовых копыт
И место всех ушедших лет.
Учи внимать русалок пенью
И от завистников терпенью.
И есть ли слух
От злых старух,
Чтоб укреплял высокий дух?
Когда провидцем ты рожден,
Что видит скрытый смысл вещей,
Скачи за дальний небосклон
И проплыви все сто морей.
Вернись и Расскажи мне честно
Все тайны, что тебе известны,
Но там и тут
Напрасен труд
Искать красавиц, что не лгут.
Скажи мне, если из людей
Такую кто-нибудь найдет,
Но нет, не поспешу я к ней,
Пусть в двух шагах она живет.
Уж такова красавиц суть –
Она сумеет обмануть.
Пока в пути,
Как ни крути,
Двух-трех успеет провести¹.

Джон Донн

¹ Пер. Ф. Толстого.

Глава I

В которой мы узнаем о селении под названием Застенье и о загадочном событии, которое происходит там каждые девять лет

Жил однажды на свете молодой человек, и хотел он обрести Мечту своего сердца.

Если, дорогой читатель, прочитав эти строки, ты решил, что перед тобой самый обычный роман – ведь все истории о молодых людях обычно начинаются совершенно одинаково, – то ты ошибся. Наш молодой человек и приключившаяся с ним история настолько необычны, что даже сам он всего не знал.

Эта история – как и многие подобные ей – началась в Застенье.

Деревня Застенье и сейчас, как и шесть сотен лет назад, стоит на гранитном выступе посреди дремучего леса. Дома там старые, похожие на кубики серого камня, крытые темным шифером. Используя каждый свободный дюйм, они лепятся один к другому, и то тут, то там к их стенам жметесь деревце или кустик.

Из Застенья ведет всего одна дорога – извилистая тропа через лес, петляющая между большими валунами и камнями помельче. Она тянется далеко на юг и за лесом превращается в обычную асфальтовую дорогу – чем дальше, тем шире, и по ней сутками напролет из города в город снуют автомобили. В конце концов она приводит в Лондон, но от Застенья до него придется ехать всю ночь.

Жители деревни молчаливы: они делятся на коренных застенцев – суровых, как гранит, на котором построено их селение, – и тех, кто сравнительно недавно нашел в Застенье пристанище для себя и своих потомков.

С запада к Застенью подступает лес, на юге есть тихое на первый взгляд озеро: в него впадают холодные прозрачные ручьи, стекающие с холмов, расположенных к северу от деревни, на которых пасутся овцы, а на востоке опять начинается сплошной лес.

Именно с восточной стороны Застенья и стоит серая каменная стена, от которой пошло название деревни. Стена эта очень древняя и сложена из крупных, грубо обработанных глыб гранита: она начинается где-то далеко в лесу и за деревней вновь уходит в лесную чащу.

В стене есть одно-единственное отверстие – проход метра полтора-два в ширину чуть к северу от деревни.

Сквозь эту брешь можно разглядеть широкий зеленый луг, за лугом – ручей, а на дальнем берегу ручья – высокие деревья. Время от времени меж их стволами мелькают какие-то призрачные тени, неясные фигуры; то появляются большие, ни на что не похожие существа, то яркой вспышкой проносятся крохотные светящиеся создания и тут же исчезают.

Хотя этот луг выглядит просто великолепно, никто никогда не пасет на нем скот и не распахивает его под посевы. Напротив, вот уже не одну сотню, а может, и тысячу лет по краям прохода выставляют стражу и стараются даже не думать о землях за Стеной.

И по сей день местные жители по двое денно и ночью караулят проход, сменяясь каждые восемь часов. Они вооружены увесистыми деревянными дубинками и стоят всегда только со стороны деревни.

Главная их задача – не пропускать на ту сторону деревенских детишек, но порой им приходится отгонять от прохода случайного бродягу или какого-нибудь любопытного приезжего.

Чтобы отпугнуть детей, достаточно погрозить дубинкой, а вот отвадить взрослых сложнее, так что стражникам приходится проявлять изобретательность. И если не срабатывают

истории о свежесаживаемой траве, которую нельзя топтать, или о страшном быке, сорвавшемся с привязи, им ничего не остается как применить физическую силу.

А очень-очень редко появляются в Застенье путники, которые знают, что именно они ищут. Таких гостей стража беспрепятственно пропускает на ту сторону. Их узнают по особенному взгляду – встретив такой однажды, уже не ошибешься.

Местные жители уверены, что за весь двадцатый век никому не удалось пробраться за Стену, и очень этим гордятся. Стражу снимают только раз в девять лет – во время весеннего праздника, когда на лугу за Стеной открывается ярмарка.

События, о которых пойдет речь, произошли много лет назад. Англией тогда правила королева Виктория, но ее еще не прозвали черной виндзорской вдовой – она отличалась прекрасным цветом лица и необычайно легкой походкой, а лорду Мельбурну частенько приходилось отчитывать ее за легкомыслие: замуж юная королева еще не вышла, но уже была влюблена.

В те годы начали печатать по частям новый роман мистера Чарльза Диккенса «Оливер Твист», мистер Дрейпер сделал первый снимок Луны, запечатлев ее бледный лик на фотобумаге, а мистер Морзе объявил о том, что изобрел способ передавать сообщения по металлическим проводам.

Если бы вы упомянули при ком-нибудь из этих уважаемых джентльменов о Волшебной стране, они бы только снисходительно усмехнулись. Кроме разве что мистера Диккенса, который тогда был молод и еще не успел отрастить бороду – он, пожалуй, взглянул бы на вас грустно и задумчиво.

Той весной на Британские острова съехалось немало людей. Они приплывали поодиночке и парами, высаживались на берег в Дувре, Лондоне или Ливерпуле. Это были мужчины и женщины, и говорили они на разных языках; кожа у одних была белей бумаги, у других напоминала цветом корицу, а у третьих и вовсе была черна, как вулканическая порода. Они прибывали весь апрель и устремлялись в одном направлении – на паровозах или верхом, в повозках и двуколках, а многие просто пешком.

Данстану Торну в тот год исполнилось восемнадцать. У него были волосы цвета ореховой скорлупы, такого же оттенка глаза и веснушки. Роста он был немногим выше среднего и говорил неторопливо, а вот улыбка у него была приятная – она словно освещала лицо изнутри. И мечтал он – чаще всего на отцовском лугу, – как уедет когда-нибудь подальше от Застенья с его непредсказуемым волшебством и оседет где-нибудь в Лондоне, или в Эдинбурге, или в Дублине – в общем, в любом большом городе, где жизнь идет спокойно и размеренно. А пока что он работал у отца на ферме, и не было у него ничего, кроме маленького домика на дальнем поле, который выделили ему родители.

Гости, которые съезжались в Застенье на апрельскую ярмарку, Данстана раздражали. Гостиница мистера Бромюса, «Седьмая сорока», комнаты в которой обычно пустовали, уже за неделю до ярмарки заполнилась чужеземцами, и новым гостям приходилось искать жилье на фермах и в домах местных жителей, расплачиваясь за постой странными монетами, травами, пряностями и даже драгоценными камнями.

Чем меньше времени оставалось до открытия ярмарки, тем больше нетерпения проявляли гости. Они просыпались на рассвете и бродили по округе, считая дни, часы и минуты. Стражи у бреши тоже нервничали – на дальнем краю луга среди деревьев уже мелькали тени и странные фигуры.

А в «Седьмой сороке» девица Бриджит Комфри, которая слыла самой красивой служанкой на памяти застенцев, стала причиной разногласий между Томми Форестером, с которым Бриджет гуляла уже целый год, и высоким темноглазым человеком с юркой обезьянкой на плече. Он почти не говорил по-английски, однако всякий раз при виде Бриджит многозначительно улыбался.

В большом зале трактира постоянные клиенты не без опаски косились на гостей и вели между собой примерно такие беседы:

– Да-да, каждые девять лет...

– Говорят, в былые времена вообще собирались раз в год, на летнее солнцестояние...

– Вы мистера Бромияса спросите – уж кто-кто, а он-то знает.

Мистер Бромияс, высокий смуглый брюнет с зелеными глазами, неизменно пользовался успехом у всех местных девушек, но не обращал на них никакого внимания. По слухам, он когда-то приехал в Застенье на ярмарку, да так и остался здесь навсегда. А поскольку его вино пришлось по вкусу местным жителям, они ничего не имели против.

Вдруг в зале послышались громкие голоса. Это Томми Форестер поругался с темноглазым человеком, которого, как выяснилось, звали Алум-Бей.

– Остановите их, бога ради! – кричала Бриджит. – Они собираются драться из-за меня! – И она в отчаянии встряхивала прелестной головкой, так что отсветы масляных ламп вспыхивали на ее золотистых локонах.

Но никто и пальцем не шевельнул, чтобы остановить соперников. Напротив, посетители трактира – и местные, и приезжие – высыпали наружу поглазеть на поединок.

Томми Форестер сбросил рубашку и выставил перед собой кулаки. Чужеземец засмеялся, сплюнул на траву, а потом перехватил правую руку Томми и швырнул его лицом на землю. Тот вскочил и яростно бросился на противника, но успел лишь вскользь задеть его по щеке, прежде чем снова полетел лицом в грязь. Алум-Бей уселся сверху и весело пробормотал что-то по-арабски.

Вот так быстро и бесславно окончился этот поединок.

Отпустив Томми, Алум-Бей важно подошел к Бриджит и отвесил ей глубокий поклон, сверкнув белозубой улыбкой. Но она, не обращая на него внимания, бросилась к Томми.

– Ах, милый, что же он с тобой сделал! – приговаривала она, вытирая краем фартука грязь с лица кавалера и называя его всякими ласковыми именами.

Алум-Бей в сопровождении большинства зрителей вернулся в трактир и купил у мистера Бромияса бутылку сабли, которую потом великодушно преподнес Томми. Так что еще вопрос, кто из соперников на самом деле остался в выигрыше.

Данстан Торн ничего этого не видел. Он был парень практичный и вот уже полгода ухаживал за Дейзи Хемпсток, столь же практичной юной особой. Каждый погожий вечер они чинно прогуливались по деревне рука об руку, беседуя о погоде, о видах на урожай в этом году и на другие столь же важные темы. Их неизменно сопровождали мать Дейзи и ее младшая сестра, которые следовали за парочкой шагах в шести, так что молодые люди могли лишь украдкой обмениваться влюбленными взглядами.

У дверей дома Хемпстоков Данстан останавливался, раскланивался со своей спутницей и прощался до следующего раза.

А Дейзи Хемпсток входила в дом, снимала шляпку и говорила что-нибудь вроде: «Ах, я и в самом деле буду не против, если мистер Торн сделает мне предложение. Думаю, папа не будет возражать».

– Разумеется, он не будет против, – ответила ей матушка в тот вечер, как, впрочем, отвечала всегда, и, сняв шляпку и перчатки, поспешила вслед за дочерьми в гостиную, где очень высокий джентльмен с длиннющей бородой распаковывал свой багаж.

Дейзи, ее матушка и сестра вежливо поздоровались с ним (он приехал в деревню недавно и очень плохо говорил по-английски). Постоялец, в свою очередь, привстал и ответил им учтивым поклоном, а потом продолжил разбирать вещи, вынимая и протирая какие-то странные деревянные штуковины.

Апрель в тот год выдался прохладный. Погода все время менялась, что, впрочем, неудивительно для английской весны.

А гости все шли и шли в деревню с юга по узкой дороге через лес; они заняли уже все свободные комнаты, и теперь ночевали даже в коровниках и пустых сараях. Некоторые привезли с собой и расставляли разноцветные палатки, а кое-кто прибывал в собственных фургонах, запряженных крупными серыми лошадьми или маленькими лохматыми пони.

В лесу под деревьями раскинулся ковер из синих колокольчиков.

Утром 29 апреля Данстан Торн в паре с Томми Форестером стоял на страже у Стены.

Данстану это было не впервой, но до сих пор его обязанности сводились к тому, чтобы просто стоять и ничего не делать, разве что разок-другой шугануть детишек.

Сегодня же на него была возложена особая миссия. Они с Томми не выпускали из рук толстых дубинок и, если к Стене подходил кто-то из чужестранцев, строго говорили: «Завтра, всё завтра, добрые сэры. Сегодня никого пропускать не велено».

Любопытствующие отходили, но так и норовили заглянуть в брешь, рассматривая ничем не примечательный луг за Стеной, самые обычные деревья вокруг него и скучный лес вдалеке. Кое-кто пытался завязать беседу с Томми и Данстаном, но молодые люди, гордые тем, что им доверили обязанности часовых, в разговоры не вступали и стояли с важным видом, высоко задрав подбородки и крепко сжав губы.

Когда подошло время обеда, Дейзи Хемпсток принесла им небольшой горшок картофельной запеканки с мясом, а Бриджит Комфри – по кружке эля с пряностями.

Вечером на пост заступили двое других молодых людей, а Данстан с Томми отправились в трактир, где мистер Бромийос налил им в честь успешного окончания дежурства еще по кружке эля – своего лучшего эля, который, надо сказать, был и в самом деле хорош.

В трактире, заполненном так, что яблоку негде было упасть, стоял возбужденный гомон. Здесь собрались гости со всех концов света – по крайней мере, так казалось Данстану, который не имел ни малейшего представления о том, что происходит за лесами, окружающими Застенье, и рассматривал высокого джентльмена в черном цилиндре, приехавшего из Лондона, с не меньшим благоговением, нежели его соседа по столику – еще более высокого темнокожего джентльмена, облаченного в роскошную белую мантию.

Данстан знал, что разглядывать людей в упор невежливо и что он, как коренной житель Застенья, должен испытывать превосходство над любым чужаком. Однако в воздухе носились удивительные ароматы далеких земель, мужчины и женщины разговаривали друг с другом на сотне самых разных наречий – и юноша беззастенчиво глазел на гостей.

Господин в черном шелковом цилиндре поймал на себе пристальный взгляд Данстана и поманил его рукой.

– Вы любите пудинг с патокой? – спросил он неожиданно, вместо того чтобы представиться. – Мутанабби куда-то ушел, а в одиночку мне столько не осилить.

Данстан кивнул – от пудинга с патокой исходил дивный аромат.

– Вот и славно, – сказал господин, – угощайтесь. – И он пододвинул Данстану чистую фарфоровую чашку и ложку.

Тот не заставил себя долго упрашивать – тут же принялся за пудинг и в два счета с ним управился.

– Ну, что же, юноша, – обратился к нему джентльмен в черном цилиндре, когда блюдо опустело. – Похоже, в этом трактире не осталось ни одной свободной комнаты. Да и во всей деревне тоже.

– Правда? – вежливо спросил Данстан.

– Да, так уж вышло, – кивнул джентльмен в цилиндре. – Вот я и хотел спросить: не знаете ли вы, где бы тут снять комнату?

– По-моему, все уже занято, – пожал плечами Данстан. – Помнится, когда мне было девять, родители отправили меня на целую неделю спать на сеновал, а мою комнату отдали какой-то леди с Востока с ее семейством и прислугой. Она в благодарность подарила мне воздушного змея, и я запускал его на лугу, пока однажды бечевка не оборвалась и змей не улетел...

– А сейчас вы где живете? – спросил джентльмен.

– У меня небольшой домик на краю отцовского поля, – ответил Данстан. – Раньше там жил наш пастух, но позапрошлым летом он умер, и домик отдали мне.

– Я хотел бы посмотреть на ваше жилище, – сказал джентльмен в цилиндре, и Данстан не смог ему отказать.

Стояла ясная весенняя ночь, луна ярко сияла в вышине. Данстан и его спутник прошли сначала через всю деревню, потом по краю леса, мимо дома семьи Торнов, где приезжий джентльмен вдруг ни с того ни с сего испугался коровы, всхрипнувшей во сне, и наконец добрались до маленького домика на краю поля. В нем была одна-единственная комнатка с камином. Гость довольно кивнул.

– Отлично. Это мне подходит. Вот что, Данстан Торн, я хочу снять у вас этот коттедж на трое суток.

– И сколько вы готовы заплатить?

– Золотой соверен, еще полшиллинга, медный пенни и новенький блестящий фартинг, – отозвался приезжий господин.

Золотой соверен за три дня был очень даже щедрой платой – ведь за целый год работы на ферме можно было получить от силы пятнадцать фунтов. Но Данстан не спешил соглашаться.

– Раз вы приехали на ярмарку, – сказал он своему гостю, – вы, должно быть, торгуете чудесами и колдовством?

– Так вот что вам нужно, молодой человек, – кивнул высокий джентльмен, – чудеса, значит, и колдовство... – И он снова оглядел крошечный коттедж Данстана. Снаружи начал накрапывать дождь, и по соломенной крыше забарабанили капли. – Ох уж эти мне чудеса и колдовство... – пробормотал гость. – Ну, хорошо, завтра вы обретете Мечту своего сердца. А пока что вот вам деньги. – И он легким движением руки вытащил монеты у Данстана из-за уха.

Юноша по одной поднес их к железному гвоздю на двери, проверяя, не эльфийское ли это золото, а потом раскланялся и вышел на улицу, прямо под дождь. Деньги он завязал в уголок носового платка.

К коровнику Данстан подходил уже под проливным дождем. Там он забрался на сеновал и мгновенно уснул.

Всю ночь грохотал гром и сверкали молнии, но Данстан продолжал спать. И проснулся лишь перед самым рассветом – оттого что кто-то неуклюже споткнулся об его ноги.

– Ой, – произнес тоненький голосок. – Так сказать, иж-жви-няйте.

– А? Что? Кто здесь? – переполошился спросонья Данстан.

– Это я, – отозвался голос. – Я на ярмарку приехал. Устроился на ночлег в дупле, а тут в дерево молния ка-ак ударит! Расколола его, что твою яичную скорлупку, и сломала пополам, как сухой прутик, и на меня полился дождь. Он мог промочить мою поклажу, а там есть очень ценные вещи, которые нужно держать сухими, как порох. Мне удалось дотащить их до этого сараюшки в целости и сохранности, хотя снаружи мокро, как...

– В воде? – подсказал Данстан.

– Вроде того, – подтвердил голосок из темноты. – Вот я и подумал: если вы не возражаете, я бы заночевал здесь, под вашим кровом. Я ведь невелик ростом и вам не помешаю.

– Только постарайтесь больше на меня не наступать, – попросил Данстан.

Тут вспыхнувшая молния осветила сеновал, и юноша разглядел в углу какое-то маленькое лохматое существо в старой широкополой шляпе.

– Надеюсь, я не очень вас потревожил, – произнес голос, который теперь показался Данстану тоже каким-то лохматым, под стать его владельцу.

– Да нет, что вы, – ответил юноша сонно.

– Вот и прекрасно, – обрадовался лохматый голосок, – замечательно, потому что я вовсе не хочу доставлять вам неудобства!

– Пожалуйста, – взмолился юноша, – дайте же мне поспать. Ну, пожалуйста!

Незнакомец повозился немного – и вскоре из угла раздалось мерное посапывание.

Данстан поворочался, устраиваясь поудобнее на своей охапке сена. Лохматое существо, кем бы оно ни было, на миг утихло, почесалось, пукнуло – и вновь засопело.

А Данстан слушал шум дождя и думал о Дейзи Хемпсток. И приснилось ему, будто бы они рука об руку гуляют по дорожке, а в шести шагах за ними следуют высокий джентльмен в шелковом цилиндре и лохматое маленькое существо, чье лицо Данстану никак не удавалось разглядеть. Они вышли на прогулку, чтобы посмотреть на Мечту его сердца...

Яркий солнечный луч упал Данстану на лицо и разбудил его. На сеновале, кроме него, никого не было. Юноша умылся и поспешил в родительский дом.

Там он переоделся в свою лучшую куртку, лучшую рубашку и лучшие штаны и соскреб перочинным ножом налипшую на ботинки грязь. Потом прошел на кухню, чмокнул матушку в щеку и с аппетитом съел мягкую булочку, щедро намазанную свежесбитым маслом.

Затем, завязав новые монетки в уголок воскресного батистового платка, Данстан отправился через всю деревню к Стене и вежливо поздоровался со стражами.

Сквозь брешь в Стене он увидел, как на лугу ставят яркие шатры и палатки, устраивают прилавки и поднимают разноцветные флаги. Там сутилось множество людей.

– До полудня никого пропускать не велено, – сообщил караульный.

Данстан пожал плечами и отправился в трактир, размышляя, что бы такое приобрести на свои сбережения (у него давно были припасены полкроны и еще счастливый шестипенсовик – монетка с дырочкой, в которую он продел кожаный шнурок, чтобы носить на шее). Это если не считать нежданного богатства, завязанного в уголок платка – Данстан уже забыл, что прошлой ночью ему было обещано в качестве платы кое-что еще.

Едва пробило полдень, как юноша снова явился к Стене, с трепетом, будто нарушая какой-то страшный запрет, прошел сквозь брешь на ту сторону и тут же наткнулся взглядом на давешнего джентльмена в черном цилиндре, который приветливо ему кивнул.

– А, вот и мой квартирный хозяин. Как вы себя сегодня чувствуете, сэр?

– Превосходно! – ответил Данстан.

– Идемте, – пригласил высокий джентльмен. – Прогуляемся вместе.

И они направились по широкому лугу к разноцветным шатрам.

– Вы бывали здесь прежде? – спросил джентльмен.

– Да, девять лет назад, но тогда я был совсем еще ребенком, – ответил Данстан.

– Ну что же, – сказал его постоялец, – тогда вы знаете, что вести себя нужно вежливо и не брать никаких подарков. Помните, что вы здесь гость. А теперь я заплачу вам то, что обещал. Я поклялся сделать это для вас. Моих даров вам хватит надолго – и вам, и вашему первенцу, и первенцу вашего первенца. Они будут принадлежать вам, пока я буду жив.

– И что ж это такое, сэр?

– Как что? Неужели вы забыли? Мечта вашего сердца, разумеется! – ответил джентльмен в цилиндре. – Мечта сердца, да-да, именно так.

Данстан кивнул, и они пошли к шатрам.

– А вот глаза, кому глаза! Новые глаза в обмен на ваши старые! – выкрикивала женщина очень маленького роста, стоя за прилавком, уставленным склянками, в которых плавали глаза всевозможных оттенков.

– Музыкальные инструменты из ста далеких стран!
– Кому свистки за пенни! Гудки за два пенни! Церковные хоралы по три пенни за штуку!
– Не проходите мимо! Испытайте удачу! Отгадайте простую загадку – и получите свеженький анемон!
– Неувядающая лаванда! Полотно из колокольчиков!
– Сны в розлив, по шиллингу флакон!
– Ночные плащи! Сумеречные плащи! Закатные плащи!
– Мечи судьбы! Жезлы власти! Кольца вечности! Карты фортуны! Заходите к нам, не пожалеете!
– Бальзамы и мази, зелья и панацеи!

Данстан замер у прилавка с крошечными хрустальными вещичками. «Может, купить такую фигурку в подарок Дейзи Хемпсток?» – подумал он и осторожно взял в руки хрустального котенка размером не больше мизинца. Вдруг котенок моргнул, и Данстан от неожиданности выронил его, а он перевернулся в воздухе и приземлился на все четыре лапки, а потом убежал на край прилавка и принялся вылизываться – точь-в-точь как настоящий котенок.

Данстан зашагал дальше.

Народу на лугу было – не протолкнуться. Здесь собрались все чужеземцы, что съезжались в Застенье в последние недели, пришли и многие жители деревни. У мистера Бромiosa был отдельный шатер, где он торговал вином и пирожками. Покупали их в основном местные жители – их еще дедушки с бабушками учили (а те в свою очередь крепко-накрепко усвоили этот урок от своих дедушек и бабушек), что есть еду из Волшебной страны, пить тамошние напитки и лакомиться фруктами очень и очень опасно, как бы аппетитно все эти угощения ни выглядели. И жителям Застенья удавалось устоять перед искушением.

Раз в девять лет те, кто живет за Стеной, приходили на этот луг и ставили там шатры, превращая его в ярмарку чудес. И лишь один этот день и одну ночь между двумя мирами шла оживленная торговля чудесами, волшебством и чародейством. На ярмарку привозили такие диковинки, что и во сне не увидишь.

«Вот скажите на милость, кому и зачем могут понадобиться яичные скорлупки со шторами внутри?» – подумал Данстан и сжал в кармане платок с завязанными в него монетками, высматривая какую-нибудь не слишком дорогую безделушку для Дейзи.

Вдруг до него донесся нежный перезвон, едва различимый в ярмарочном шуме, и юноша пошел на этот звук.

Он миновал шатер, где пятеро здоровенных мужиков отплясывали под шарманку, ручку которой крутил грустный черный медведь, прошел мимо лысоватого субъекта в ярком кимоно, который, зазывая покупателей, бил фарфоровые тарелки и бросал осколки в кипящий котел, а оттуда валил разноцветный дым.

Мелодичный перезвон звучал все громче.

Наконец юноша добрался туда, откуда доносился привлекший его звук. Продавца не было видно. На широком прилавке красовалось множество цветов: колокольчики простые и круглолистные, наперстянки, желтые нарциссы, лилии, фиалки, крошечные алые цветки шиповника, бледные подснежники, голубые незабудки и всякие другие, о которых Данстан и слыхом не слыхивал. Каждый цветок был изготовлен из стекла или, может, из хрусталя – трудно сказать точно. Но цветы были совсем как настоящие. Именно они и издавали мелодичный звон.

– Эй! Есть тут кто-нибудь? – позвал Данстан.

– Доброго вам утра в этот ярмарочный день, – отозвалась молодая женщина, выходя из стоявшего неподалеку ярко разукрашенного фургона, и широко улыбнулась, сверкнув ослепительно белыми зубами.

«Она из тех, кто живет за Стеной», – сразу же понял Данстан, увидев ее глаза и уши, видневшиеся из-под густых выющихся черных волос. Глаза у нее были цвета фиалок, а уши –

как у кошечки, только чуть более скругленные и поросшие темной шелковистой шерсткой. Впрочем, это ничуть ее не портило.

Данстан взял с прилавка стеклянный цветок.

– Что за прелесть! – сказал он. Это была фиалка, она звенела и пела у него в руке – похожий звук можно извлечь, если провести влажным пальцем по кромке хрустального бокала. – Сколько он стоит?

– Мы не устанавливаем цену заранее, – мило пожала плечами девушка. – Ведь она может оказаться больше, чем та, которую вы готовы заплатить, и тогда вы уйдете ни с чем, а это делает беднее нас обоих. Давайте-ка лучше торговаться.

Данстан замер, и тут, откуда ни возьмись, у него за спиной появился джентльмен в черном цилиндре.

– Ну, вот, – шепнул он юноше, – теперь мы с тобой в расчете, больше я тебе ничего не должен.

Данстан встряхнул головой, будто отгоняя наваждение, и снова перевел взгляд на прекрасную продавщицу.

– А откуда берутся такие цветы?

Девушка загадочно улыбнулась:

– Роща, где растут стеклянные цветы, находится на склоне горы Каламон. И опаснее дороги туда – только путь обратно.

– Но зачем они нужны? – спросил Данстан.

– По большей части их используют для украшения или как игрушки. Они приносят радость, их можно подарить любимой в знак восхищения и обожания, а звук, который они издают, приятен для слуха. Кроме того, эти цветы особым образом отражают свет. – Она подняла колокольчик, тот засверкал в солнечном луче, и Данстан увидел, что лиловое стекло всеми своими переливами повторяет оттенок глаз девушки.

– Понятно, – протянул он.

– Еще эти цветы используют для различных чар и заклинаний. Вы случайно не волшебник?

Данстан покачал головой. В этой девушке было что-то необычное, но он никак не мог понять – что именно.

– Ну, не важно, – улыбнулась она. – Все равно такой цветок – отличный подарок.

И тут Данстан понял, что с его новой знакомой не так: ее запястье охватывала тонкая серебряная цепочка, которая сбегала вниз, к щиколотке, и змеилась по траве до самого фургона. Юноша вопросительно указал на цепочку глазами.

– Вы про цепь хотите спросить? Да, я прикована к фургону, чтобы не сбежала. Я ведь рабыня колдуньи, хозяйки фургона. Много лет назад она похитила меня, когда я играла у водопада в поместье отца, высоко-высоко в горах. Колдунья превратилась в очень красивую лягушку и, когда я хотела поймать ее, выскальзывала у меня из рук, пока не заманила подальше от дома. А когда я, увлекшись погоней, пересекла границу отцовских владений, она приняла свой истинный облик и набросила мне на голову мешок.

– И что же, вы так и будете всю жизнь ее рабыней?

– Ну, зачем же всю жизнь? – улыбнулась девушка. – Я снова стану свободной в день, когда Луна потеряет свою дочь, если это случится в ту неделю, когда соединятся два понедельника. Этого дня я давно и терпеливо жду. А пока служу колдунье верой и правдой и мечтаю. Так что же, молодой господин, купите у меня цветочек?

– Меня зовут Данстан.

– Скромное имечко, ничего не скажешь, – хихикнула девушка. – И где же ваши клещи, мастер Данстан? Сможете прищемить нос дьяволу?²

– А вас-то как зовут? – спросил Данстан, заливаясь краской.

– Сейчас никак. Я ведь рабыня, поэтому у меня нет имени. Я откликаюсь на «эй, ты», или на «дрянная девчонка», или на «эта неряха и неумеха». И на другие окрики в том же духе.

От внимания Данстана не ускользнуло, как красиво шелковое платье облегает изящную фигурку девушки. С трудом отведя взгляд, он посмотрел в ее фиалковые глаза и судорожно сглотнул.

А потом, чтобы был повод перестать глазеть на девушку, вытащил из кармана платок со своими сбережениями, развязал узелок и высыпал их перед ней на прилавок.

– Возьмите, сколько нужно, за цветок, – сказал он и взял белый подснежник.

– Здесь не деньгами расплачиваются, – девушка отодвинула монеты обратно.

– Это как? А чем же тогда? – опешил Данстан. Он не собирался уходить отсюда без цветка для... для Дейзи Хемпсток, конечно. А получив его, хотел как можно скорее уйти, потому что, по правде говоря, все больше и больше терялся в присутствии этой юной особы.

– Я могла бы попросить в уплату цвет ваших волос, – задумчиво протянула она. – Или ваши воспоминания до трехлетнего возраста. Или слух вашего левого уха – ну, не весь слух, конечно, а ту его часть, что радуется красивой музыке, или плеску воды, или шелесту листьев на ветру.

Данстан энергично замотал головой.

– ...Или один поцелуй. Единственный поцелуй, вот сюда, в щеку.

– Вот такая плата меня устраивает! – воскликнул Данстан, перегнулся через прилавок и под тихий перезвон хрустальных цветов запечатлел на нежной щеке девушки целомудренный поцелуй. И вдохнул ее дразнящий, волшебный запах, который мгновенно ударил ему в голову и проник в грудь до самого сердца.

– Ну, вот и все, – сказала она и протянула ему подснежник. Данстан взял цветок, и собственные руки показались ему ужасно грубыми и неуклюжими по сравнению с изящными маленькими ручками чудесной девушки. – Встретимся здесь же, Данстан Торн, сегодня вечером, на закате луны. Как придете, дважды крикните сычом. Сумеете?

Он кивнул и отступил на два шага, не спрашивая, как она узнала его фамилию, – наверное, это знание попросту передалось ей во время поцелуя. И, по правде говоря, не только оно – потому что сердце Данстана теперь билось ради нее одной.

Подснежник тихо звенел у него в руке.

– Что с тобой стряслось, Данстан Торн? На тебе просто лица нет! – воскликнула Дейзи Хемпсток, когда молодой человек вошел в шатер мистера Бромiosa, где уже сидели и ее родители, и родители самого Данстана, с аппетитом уплетая колбаски и запивая их отменным портером. – Что случилось?

– Я принес тебе подарок, – пробормотал юноша, протягивая ей звенящий подснежник, который сиял и переливался в ярких лучах заходящего солнца.

Дейзи смущенно взяла цветок блестящими от колбасного жира пальцами, а Данстан, повинаясь внезапному порыву, наклонился и поцеловал ее в щеку прямо на глазах у родителей и сестры, а также у Бриджит Комфри, мистера Бромiosa и остальных присутствующих.

² Св. Данстан Кентерберийский (ок. 909 г. – 19 мая 988 г.) – архиепископ, монах-бенедиктинец, один из ближайших советников короля Эдреда. В свободное от пастырской деятельности время занимался живописью, музыкой и кузнечным ремеслом. Почитается как покровитель кузнецов и ювелиров. В житии св. Данстана есть такой эпизод: когда святой работал в кузнице, к нему явился дьявол и стал всячески искушать его, но святой не растерялся и схватил того за нос раскаленными клещами Данста. (Прим. перев.)

Легко представить, как они все возмутились и загалдели. Однако мистер Хемпсток, который недаром провел все пятьдесят семь лет своей жизни на границе с Волшебной страной и землями По Ту Сторону, воскликнул:

– Тихо, перестаньте вы! Лучше взгляните ему в глаза. Разве не понятно, что бедный мальчик и сам не знает, что делает! Бьюсь об заклад, что его околдовали. Эй, Томми Форестер, поди-ка сюда! Проводи юного Данстана Торна обратно в деревню, да смотри, не оставляй его одного ни на минутку: поговори с ним, если он захочет, или уложи в кровать, если вдруг его будет клонить в сон.

И Томми увел Данстана с ярмарки обратно в Застенье.

– Ну, полно, полно, Дейзи, – утешала дочку миссис Хемпсток, поглаживая ее по голове. – Его только самым краешком коснулась эльфийская магия, вот и все. Не стоит так переживать. – Она извлекла из глубокого декольте платочек, отерла слезы со щек девушки и прижала ее к своей полной груди.

Дейзи взглянула на мать, выхватила платочек и шумно высморкалась. А миссис Хемпсток с недоумением увидела, что дочь улыбается сквозь слезы.

– Но, матушка, ведь Данстан меня поцеловал, понимаешь, поцеловал, – прошептала она и прикрепила звенящий и сверкающий хрустальный подснежник себе на шляпку.

Проплутав некоторое время, мистер Хемпсток и отец Данстана нашли, наконец, прилавок, где торговали хрустальными цветами. Распоряжалась здесь пожилая торговка, а рядом с ней сидела на жердочке очень красивая птица, прикованная за лапку тонкой серебряной цепочкой. Со старухой оказалось совершенно бесполезно разговаривать – вместо того чтобы рассказать, что случилось с Данстаном, она только сетовала о каком-то великолепном экземпляре из своей коллекции, проданном за бесценок, и жаловалась на тяжелые времена, когда люди исполнены черной неблагодарности, а еще на негодных слуг.

В опустевшей деревне (кто же усидит дома во время Волшебной ярмарки?) Томми привел Данстана в «Седьмую сороку» и усадил на массивный табурет. Тот опустил голову на руки и устался в пространство невидящим взглядом, время от времени тяжело вздыхая.

Томми принялся тормошить друга, приговаривая: «Ну же, встряхнись, старина! Надо приободриться! А ну-ка, улыбнись! Может, хочешь чего-нибудь пожевать? Или выпить? Не хочешь? Не нравишься ты мне, Данстан, дружище, что-то тут не так...», но так и не добился ответа и невольно вернулся мыслями к ярмарке, где, несомненно, именно в эту минуту (Томми сердито выпятил острый подбородок) за прелестной Бриджит Комфри увивается некий импозантный высокий иноземец с шустрой обезьянкой на плече. Уверив себя, что в пустом трактире его друг будет в полной безопасности, Томми поспешил обратно, к проходу в Стене.

Ярмарка гудела пуще прежнего: посетителей зазывали на кукольные спектакли и представления фокусников, приглашали посмотреть на танцующих зверей или аукцион лошадей, и, конечно же, торговля кипела вовсю.

А с наступлением сумерек на лугу появился доселе невиданный народец, например глашатай, который выкрикивал новости, как современный газетчик – заголовки: «Повелитель Штормхолда страдает от загадочной болезни!», «Огненная Гора сдвинулась с места и приближается к Крепости Дюн!», «Оруженосец наследного принца Гарамонда превращен в хрюкающего пигвигина!»³ – и за монетку готов был рассказать каждую из этих новостей во всех подробностях.

Зашло солнце, и высоко в небесах засияла огромная луна. Повеяло прохладой. Торговцы начали один за другим исчезать в своих палатках и фургонах, приглашая гостей ярмарки внутрь и обещая показать всяческие чудеса и диковинки – за умеренную плату, разумеется.

³ Пигвингин – лесной эльф из английского фольклора. (Прим. перев.)

Когда луна коснулась верхушек деревьев западного леса, Данстан Торн тихонько прокрался по мощеным улочкам Застенья. По дороге ему встретилось немало гуляк, как местных, так и приезжих, – они возвращались по домам с ярмарки, но мало кто из них заметил юношу.

Данстан проскользнул в отверстие в Стене. «До чего же она толстая! Интересно, каково это – прогуляться по ней?» – промелькнула у него в голове мысль, которая в свое время посещала и его отца.

Когда он оказался на ночном лугу за Стеной, ему стало одновременно любопытно и страшно. А что будет, если он, не останавливаясь, пересечет луг и отправится дальше, к темным деревьям на том берегу ручья? Впрочем, дойдя до назначенного места, Данстан поспешно отделался от опасной мысли, как хозяин, который извиняется перед гостем и уходит к себе, бормоча что-то о неотложных делах.

Луна уже садилась.

Юноша прижал сложенные лодочкой руки ко рту и прокричал сычом. Ответа не последовало. Только небо над головой приобрело странный оттенок какого-то густого темного цвета, то ли синего, то ли фиолетового, но никак не черного. А звезд на нем было столько, сколько Данстан за всю свою жизнь не видывал.

Он снова гукнул сычом.

– Неужели, по-вашему, – раздался у самого его уха строгий шепот, – это похоже на крик сыча?! Белая сова – еще куда ни шло, ну, в крайнем случае, совка-сипуха. Будь у меня уши заткнуты, я бы еще могла принять эти звуки за голос филина. Но на крики сыча они совсем не похожи.

Данстан вздрогнул от неожиданности и тут же глуповато улыбнулся. Чудесная девушка уселась рядом, и он вдохнул исходящий от нее пьянящий аромат. Она придвинулась ближе.

– Думаешь, тебя околдовали, а, красавчик Данстан?

– Не знаю.

Девушка расхохоталась, и смех ее был словно журчание чистого родника среди камней.

– Нет, красавчик, никто и не думал насылать на тебя чары. – Она откинулась на спину и теперь смотрела в ночное небо. – Ваши звезды, на что они похожи? – спросила она.

Данстан улегся рядом с ней на холодную траву и тоже стал глядеть на небо. Звезды здесь и в самом деле были странные: казалось, они переливаются всеми цветами радуги, как драгоценные камешки. Или просто в эту ночь было видно больше маленьких звезд? Или созвездия изменили свои очертания? В общем, было в звездах что-то необычное.

Молодые люди лежали рядом, глядя вверх.

– Чего ты хочешь в этой жизни? – спросила девушка.

– Не знаю, – признался юноша. – Наверное, тебя.

– А я хочу вернуть свободу.

Данстан потянулся к серебряной цепи, сбегавшей от ее запястья к лодыжке и терявшейся где-то в траве, дернул и убедился, что цепь эта крепче, чем казалась на первый взгляд.

– Ее сковали из кошачьего дыхания, рыбьей чешуи и лунного света с примесью серебра, – объяснила ему девушка. – Этот сплав невозможно разрушить, пока не исполнятся условия заклатья.

– Ох, – пробормотал Данстан, снова ложась в траву.

– Цепь мне почти не мешает, она ведь достаточно длинная. Но меня просто бесит то, что она есть, и я тоскую по родному дому. К тому же старая колдунья – не самая лучшая хояйка на свете... – И девушка умолкла.

Данстан приподнялся на локте и дотронулся до ее щеки. Его пальцы коснулись чего-то горячего и мокрого.

– Почему ты плачешь?

Она не ответила. Данстан притянул ее к себе, тщетно пытаясь вытереть слезы своей широкой ладонью. А потом ее мокрое лицо оказалось совсем близко, и он, сам не зная, правильно ли поступает, робко поцеловал ее прямо в пылающие губы.

Помедлив мгновение, она раскрыла губы ему навстречу, и ее язычок скользнул ему в рот. И в этот момент, под загадочными звездами, Данстан окончательно и бесповоротно потерял голову.

Ему уже случалось целоваться с девушками, но дальше этого он ни разу не заходил.

А сейчас его руки скользнули по ее маленькой упругой груди и коснулись твердых жемчужин сосков под тонким шелком платья. Девушка крепко вцепилась в него, будто он был ее последней надеждой, и стала стаскивать с него рубашку и штаны.

Она казалась такой маленькой, что Данстан боялся сделать ей больно. Но этого не случилось. Она извивалась и выгибалась под ним, часто дыша и направляя его рукой.

Она запечатлела на его лице и груди сотни огненных поцелуев, а потом вдруг оказалась сверху, оседлала его, смеясь и задыхаясь, вся мокрая и блестящая от пота, как рыбка, и теперь уже Данстан изгибался дугой, ликуя и сходя с ума, наполненный только ею, ей одной, и знай он ее имя – выкрикивал бы его во все горло.

Когда все кончилось, Данстан хотел выпустить ее из объятий, но она обхватила его ногами и прижалась к нему так крепко, что ему показалось – они стали единым существом, принимая и отдаваясь, и растворяясь друг в друге, как звезды растворяются в предрассветном небе.

Потом они тихо лежали рядышком.

Чудесная девушка оправила шелковое платье и снова стала неприступной. Данстан не без сожаления натянул штаны и сжал на прощанье ее маленькую ручку.

Предрассветный ветер остудил его разгоряченную кожу, и ему вдруг стало очень одиноко и холодно.

В сероватых отблесках рассвета юноша мог хорошо разглядеть свою возлюбленную. А вокруг уже пробуждались звери: лошади перебирали ногами, птицы пели первые утренние песни. Те, кто спал в палатках, тоже зашевелились и начали выходить наружу.

– Ну что ж, всего тебе хорошего, – мягко сказала девушка, глядя на Данстана с легким сожалением фиалковыми глазами, которые напоминали сейчас цветом перистые облака в высоком небе. Она поцеловала его нежно, оставив на губах вкус спелой ежевики, и побрела к своему пестрому фургону.

Оставшись один, Данстан потерянно шел через ярмарочный луг, чувствуя себя куда старше своих восемнадцати лет.

Он вернулся на сеновал, скинул башмаки и уснул, а проснулся, когда солнце было уже высоко.

Настал последний день ярмарки, но Данстан туда не пошел. А потом гости разъехались, и жизнь в Застенье вошла в привычную колею – хотя и не совсем обычную, не такую, как в большинстве других деревень (особенно когда ветер дул со стороны Стены).

Через две недели Томми Форестер сделал предложение Бриджит Комфри, и она ответила согласием. А еще через неделю поутру миссис Хемпсток пришла навестить миссис Торн. Они сидели в гостиной и пили чай.

– Да, повезло мальчику Форестеров, – сказала миссис Хемпсток.

– Это точно, – кивнула миссис Торн. – Возьмите еще печенье, дорогая. Наверно, ваша Дейзи будет подружкой невесты?

– Хочется надеяться, – вздохнула миссис Хемпсток. – Если, конечно, она, бедняжка, до этого доживет.

Миссис Торн с тревогой посмотрела на гостью.

– Только не говорите мне, что она больна, миссис Хемпсток! Это было бы просто ужасно.

– Она ничего не ест, миссис Торн. Чахнет на глазах. Редко когда удается уговорить бедняжку выпить глоток воды.

– Да что вы говорите!

– Вчера ночью, – продолжала миссис Хемпсток, – я узнала причину ее недуга. Это ваш Данстан.

– Данстан? Вы хотите сказать, что... – миссис Торн в ужасе прикрыла рот ладонью.

– Нет, конечно же, нет, – поспешно замотала головой миссис Хемпсток и поджала губы. – Ничего подобного. Но Дейзи очень обижена на него: он совсем не уделяет ей внимания. Она не видела его уже бог знает сколько дней. Бедная девочка решила, что он разлюбил ее, и теперь лежит в постели и плачет, не выпуская из рук подснежник, который он подарил ей.

Миссис Торн насыпала в чайник еще заварки и долила кипятку.

– Сказать по правде, – призналась она, – мы со стариком Торни и сами волнуемся за Данстана. Он... немного не в себе. Да, пожалуй, это самое подходящее выражение. Совершенно забросил работу. Торни, помнится, говорил, что мальчику нужно время, чтобы прийти в себя. Когда он, наконец, станет прежним, Торни отдаст ему в собственность все западные луга.

Миссис Хемпсток степенно кивнула.

– Старик Хемпсток был бы рад видеть нашу Дейзи счастливой. Он собирается дать девочке в приданое целое стадо овец.

Овцы Хемпстоков считались лучшими в округе: тонкорунные, умные (по овечьим меркам, конечно), с витыми рогами и острыми копытцами. Миссис Хемпсток и миссис Торн допили чай – и дело было решено.

В июне Данстан Торн женился на Дейзи Хемпсток. И если жених выглядел несколько растерянным, то невеста, как и положено, сияла от радости и была само очарование.

Стоя позади них, отцы новобрачных обсуждали план постройки нового дома для молодой семьи. Матери в один голос утверждали, что Дейзи сегодня просто прелесть, и дружно сетовали на то, что Данстан не позволил невесте приколоть на грудь хрустальный подснежник, который сам же подарил ей в конце апреля на ярмарке.

Тут мы и расстанемся с Данстаном и Дейзи, стоящими под дождем из лепестков роз – алых и белых, желтых и малиновых.

Вернее, почти расстанемся.

Пока строился их новый дом, они жили в коттедже Данстана и были вполне счастливы. Необходимость ухаживать за овцами, пасти их, стричь, кормить и лечить – все эти повседневные работы мало-помалу изгнали отрешенность из глаз Данстана.

Пришла осень, потом зима. А в конце февраля, когда овцам время ягниться, стоят самые холода и злой ветер завывает на вересковых пустошах, проносясь меж голых деревьев, а ледяные дожди беспрестанно льют со свинцово-серых небес, в шесть часов вечера, когда солнце уже село и наступила почти полная темнота, кто-то просунул сквозь брешь в Стене плетеную корзинку. Стражи, стоявшие по обе стороны прохода, сперва ее даже не заметили. Ведь они смотрели совсем в другую сторону, к тому же вокруг было темно и сыро.

И вдруг раздался тоненький писклявый плач.

Только тогда караульные посмотрели себе под ноги – и увидели на земле корзинку. В ней лежал небольшой сверток из шелковых и шерстяных пеленок, а из него выглядывало красное заплаканное личико с вытаращенными глазками и разинутым ртом, громко вопящим от голода.

К пеленке серебряной булавкой был приколот клочок пергамента, на котором изящным старомодным почерком было выведено: «Тристан Торн».

Глава II

В которой Тристран Торн становится взрослым и дает неосмотрительное обещание

Прошли годы.

Следующая Волшебная ярмарка состоялась точно по расписанию. Но юного Тристрана Торна, восьми лет от роду, туда не взяли, – на это время мальчика приютили у себя дальние родственники из деревни, до которой был целый день пути.

А вот его сестре Луизе, хотя она была всего лишь на полгода младше, на ярмарку пойти разрешили, и это очень расстроило Тристрана, особенно когда она принесла оттуда стеклянный шар, наполненный искорками, которые в сумерках переливались и сверкали, а по ночам наполняли детскую мягким сиянием. Тристран же не привез от родственников ничего, кроме кори.

Вскоре после этого кошка Торнов родила трех котят: двух черно-белых, как она сама, и третьего, совсем крошечного, с серо-голубой шерсткой и глазами, которые меняли цвет в зависимости от настроения зверька: то они были золотисто-зеленые, то розоватые, а иногда даже ярко-алые.

Этого котенка отдали Тристрану, чтобы хоть как-то утешить его после ярмарки. Котенок со временем вырос в голубую кошку, ласковее которой не было на всем белом свете, но в один прекрасный вечер она заметалась по дому с диким мяуканьем, сверкая глазами, ярко-красными, как флоксы, а когда отец Тристрана вернулся домой после работы в поле, стремглав выскочила с воем за дверь и исчезла в сумерках.

В обязанности стражей у Стены входило не пропускать на ту сторону людей, но не кошек, так что Тристран, которому к тому времени уже исполнилось двенадцать, больше никогда не видел свою голубую кошку. Какое-то время мальчик был безутешен. Но однажды вечером к нему в комнату зашел отец, присел на краешек кровати и хрипло сказал: «Поверь, ей будет лучше там, за Стеной. Там живут ее сородичи. Так что не расстраивайся понапрасну, парень».

А мама, та ничего ему не сказала – она вообще с ним почти не разговаривала. И только иногда Тристран ловил на себе ее пристальный взгляд – будто она пыталась отыскать в его лице разгадку какой-то тайны.

Сестренка Луиза нередко подтрунивала над ним по этому поводу утром по дороге в школу, она вообще часто его дразнила: например, за форму ушей (левое ухо у Тристрана было обычное, а вот правое, слегка заостренное, плотно прилегало к голове), или за то, что он говорит всякие глупости: он как-то сказал ей, что маленькие белые пушистые облачка, которые собрались на закате у горизонта, когда дети возвращались из школы, – это овечки. И хотя потом сотню раз объяснял, что эти облака просто похожи на овечек – такие же мягкие и пушистые, Луиза все равно продолжала смеяться над ним, хихикала и издевалась, как гоблин, и, что еще хуже, другим детям об этом рассказывала, да еще подговорила их тихонько блеять, когда Тристран проходит мимо. Уж что-что, а подстрекать Луиза умела, и ей нравилось поддразнивать брата.

Школа в деревне была очень хорошая, и под руководством учительницы миссис Черри Тристран Торн узнал все про дробь, широту и долготу, мог на хорошем французском попросить ручку у тетушки садовника и даже у своей собственной тетушки, а еще перечислить всех королей и королев, правивших в Англии, начиная с Вильгельма Завоевателя, пришедшего к власти в 1066 году, и кончая королевой Викторией, взошедшей на трон в 1837-м, а главное – научился читать и писать каллиграфическим почерком. В Застенье редко заходили чужаки, но все-таки время от времени появлялись бродячие торговцы. Они продавали дешевенькие

книжки с леденящими кровь рассказами о жутких убийствах, роковых встречах, смелых подвигах и чудесных спасениях. Большинство подобных коробейников торговали еще и песенниками, по две штуки на пенни, и семейные люди брали их нарасхват, чтобы потом собираться вокруг пианино и хором исполнять песни вроде «Спелой вишни» или «В отцовском саду».

Так дни шли за днями, недели за неделями, годы сменялись годами. К четырнадцати годам Тристран уже многое знал о сексе из сальных шуточек, сплетен и непристойных баллад. А когда ему было пятнадцать, повредил руку, упав с яблони возле дома мистера Томаса Форестера, а точнее, напротив окна спальни мисс Виктории Форестер, но, к своему глубокому сожалению, успел разглядеть только, как что-то розовое промелькнуло в спальне. Виктория была ровесницей его сестры – и, несомненно, самой красивой девушкой на сотни километров вокруг.

К тому времени, как Виктории и Тристрану исполнилось семнадцать, она, с его точки зрения, стала самой прекрасной девушкой во всей Англии. Он был готов настаивать, что она прекраснее всех в Британской империи и даже во всем мире, и врезал бы (или собирался врезать) каждому, кто посмеет с этим спорить. Однако в Застенье трудно было отыскать такого человека – Виктория многим вскружила голову и, по всей вероятности, разбила не одно сердце.

Судите сами: от матери девушка унаследовала серые глаза и личико сердечком, а от отца – выющиеся каштановые волосы. Губы у нее были яркие и идеально очерченные, а когда она говорила, на щеках у нее появлялся нежный румянец. Бледность кожи ее совершенно не портила, напротив – придавала особое очарование.

Когда Виктории исполнилось шестнадцать, она крупно поссорилась с матерью, потому что вбила в свою прелестную головку, что будет работать разносчицей в «Седьмой сороке». «Я поговорила об этом с мистером Бромисом, – заявила она, – и он не возражает». «Что там себе думает мистер Бромис, – отвечала ей мать, до замужества – Бриджит Комфри, – не имеет ровно никакого значения. А работать разносчицей в трактире – недостойное занятие для юной леди».

Жители Застенья с интересом наблюдали за ходом этого сражения, гадая, чья возьмет, ибо никому еще не удавалось переспорить Бриджит Форестер: ее язычком, по словам односельчан, можно было соскоблить краску с амбарной двери и содрать кору с дуба. Во всей деревне не нашлось бы человека, который рискнул бы попасться ей под горячую руку, – говорили, что скорее Стена сдвинется с места, чем Бриджит Форестер уступит в споре.

Впрочем, у Виктории Форестер были свои методы – и если все средства были исчерпаны (а иногда и не исчерпаны), она шла к отцу, и тот выполнял ее прихоти. Однако на этот раз он, к изумлению Виктории, встал на сторону жены. И вопрос был закрыт.

Все деревенские парни были влюблены в Викторию Форестер. Да и многие давно женатые солидные джентльмены с сединой в бороде провожали ее взглядами, вновь ощущая весну в своих сердцах.

– Говорят, сам мистер Мандей числится у тебя в обожателях, – сказала Луиза Торн Виктории как-то раз майским утром в яблонево́м саду.

Пять девушек уютно устроились среди ветвей старой яблони. Майский ветерок осыпал их волосы и юбки розовыми лепестками, словно снежинками. Яркое послеполуденное солнце пробивалось сквозь листву, разбрасывая вокруг зеленые, серебристые и золотистые блики.

– Мистер Мандей? – презрительно поморщилась Виктория. – Да ему уже сорок пять! – И соорудила гримаску, давая понять, что когда тебе семнадцать, сорок пять – это уже глубокая старость.

– К тому же, – сказала Сесилия Хемпсток, двоюродная сестра Луизы, – он уже был женат. Не хотела бы я выйти замуж за того, кто уже был женат. Это все равно что доверить постороннему человеку объезжать своего пони.

– А лично мне кажется, что у брака с вдовцом есть свое преимущество, – возразила Амелия Робинзон, – кто-то уже сгладил острые углы его характера, укротил его, если хочешь. К тому же к такому возрасту у мужчины плотское вожделение угасает, и это избавляет от множества неприятностей.

Цветущий яблоневый сад наполнился девичьим хихиканьем.

– И все же, – неуверенно заметила Люси Пиппин, – представьте, как хорошо, когда ты живешь в большом доме, у тебя есть кучер и четверка лошадей и ты можешь ездить и в Лондон на балы, и в Бат на воды, и в Брайтон купаться в море. Пусть даже мистеру Мандею сорок пять лет.

Остальные девушки расхохотались, бросая в Люси пригоршни яблоневых лепестков. И громче всех смеялась Виктория Форестер.

Тристан Торн был лишь на полгода старше Виктории. Уже не мальчик, но еще не мужчина, нескладный, как все юноши в этом возрасте, он, казалось, весь состоял из острых локтей и кадыка. Волосы ему от природы достались русые, цвета мокрой соломы, и всегда топорщились в разные стороны, как ни старался он пригладить их влажным гребнем.

Он был болезненно застенчив и, как все болезненно застенчивые люди, часто вел себя очень шумно. Тристан был вполне доволен своей судьбой – насколько может быть доволен семнадцатилетний юноша, у которого вся жизнь впереди. Частенько, работая в поле или в деревенской лавке «Мандей энд Браун», он мечтал о том, как поедет на поезде в Лондон или даже в Ливерпуль или поплывет на пароходе по серым водам Атлантического океана в Америку, и там, в неизведанных землях среди дикарей, заработает огромное состояние.

Но бывали времена, когда ветер дул из-за Стены, принося с собой ароматы мяты, чабреца и красной смородины, и язычки пламени в деревенских каминах в деревне приобретали странный цвет. В такие дни самые простые устройства – от каминных спичек до волшебных фонарей – отказывались работать, а мечты Тристана Торна сменялись путаными фантазиями: он представлял, как пробирается по лесным тропам, спасая принцесс из заколдованных замков, мечтал о рыцарях, троллях и русалках. Когда на него находило такое настроение, он потихоньку ускользал из дома и подолгу лежал на траве, глядя в звездное небо.

Сейчас мало кто может похвастаться, что видел звезды такими, какими их видели люди в те давние времена – наши города отбрасывают слишком много света в ночное небо. Но в Застенье звезды сияли, как непознанные миры или невысказанные мысли, и не было им счета, как деревьям в лесу или листьям на дереве. Тристан всматривался в темное небо, пока все мысли не покидали его, а потом шел домой и засыпал мертвым сном.

При внешней своей нескладности он был полон энергии, которую, впрочем, никто не направлял в нужное русло. Вечерами и по выходным юноша помогал отцу на ферме, а в основное время работал приказчиком у мистера Брауна в лавке «Мандей энд Браун».

Это был деревенский магазинчик, где имелись запасы всего необходимого, но большую часть доходов хозяева получали, привозя товары на заказ. Выглядело это так: жители деревни оставляли мистеру Брауну заявки на все что угодно – от мясных консервов до лекарства для овец, от столовых ножей для рыбы до каминной плитки, – и приказчик составлял общий список заказов. Потом мистер Мандей брал этот список, запрягал двух тяжеловозов и отправлялся в ближайший город, а спустя несколько дней возвращался с телегой, доверху груженной всякой всячиной.

Однажды в конце октября, холодным ветреным днем, когда, казалось, вот-вот пойдет, но так и не начинается дождь, Виктория Форестер вошла в лавку «Мандей энд Браун» со списком покупок, составленным ее обстоятельной матушкой, и позвонила в колокольчик у прилавка, вызывая продавца.

Из подсобного помещения появился Тристран Торн, и на личике Виктории мелькнула тень разочарования.

– Добрый день, мисс Форестер, – произнес он.

Девушка натянуто улыбнулась и протянула ему свой список.

Вот что там было:

*Полфунта саго
10 банок сардин
1 бутылка грибного соуса
5 фунтов риса
1 банка светлой патоки
2 фунта смородины
1 бутылка ярко-красной краски
1 фунт ячменного сахара
коробка лучшего какао «Раунтриз» на шиллинг
полировка для ножей «Оуки» на 3 пенса
вакса «Браунсвик» на 6 пенсов
1 пачка желатина «Сунборн»
1 бутылка мебельной мастики
1 половник
шумовка за 9 пенсов
стрелянка.*

Тристран прочитал список про себя в поисках какого-нибудь предложения поговорить с Викторией: ему очень хотелось обменяться с ней хоть парой фраз.

– Похоже, у вас собираются готовить рисовый пудинг, мисс Форестер, – услышал он собственный голос и тут же понял, что сказал что-то не то.

Виктория поджала свои пухлые губки, взмахнула длинными ресницами и ответила:

– Да, Тристран, у нас собираются готовить рисовый пудинг. – Потом она улыбнулась и добавила: – Мама говорит, что если есть много рисового пудинга, то никакие насморки, простуды и прочие осенние недуги не страшны.

– А моя матушка, – признался Тристран, – верит в целебные свойства пудинга из тапиоки. – Он наколот список на специальный штырь и сообщил: – Большую часть вашего заказа мы можем доставить уже завтра, а остальное – в начале следующей недели, когда мистер Мандей поедет в город.

Тут налетел такой сильный порыв ветра, что по всей деревне задрожали стекла, а флюгера на крышах завертелись как сумасшедшие, уже не в силах отличить север от запада и восток от юга.

Огонь в камине лавки «Мандей энд Браун» взметнулся и рассыпал вокруг сноп зеленых, алых и серебристых искр, как будто кто-то бросил туда пригоршню металлических опилок.

Ветер дул с востока, из Волшебной страны, и Тристран Торн с удивлением почувствовал прилив храбрости, какой в себе и не подозревал.

– Знаете, мисс Форестер, я освобожусь через несколько минут. Может быть, вы позволите проводить вас до дома? Мне ведь с вами почти по пути, – сказал он и стал с замиранием сердца ждать ответа.

Виктория Форестер глядела на него с изумлением. Ему показалось, что прошло целых сто лет, прежде чем она ответила:

– Хорошо.

Тристран опрометью бросился в контору и сообщил мистеру Брауну, что уходит. Тот не особенно возражал, хотя добавил недовольно, что когда *он*, мистер Браун, был моложе, ему приходилось не только задерживаться каждый день допоздна и закрывать лавку, но еще и спать на полу под прилавком, подложив под голову пальто вместо подушки. Юноша согласился, что в таком случае ему, Тристрану, крупно повезло, пожелал мистеру Брауну спокойной ночи, схватил с вешалки свое пальто и новую шляпу-котелок и выскочил на улицу, где его поджидала Виктория Форестер.

Осенние сумерки сгущались быстро, и пока молодые люди шли, вечер незаметно перешел в ночь. Тристран чувствовал в воздухе запах приближающейся зимы – смесь ночного тумана, морозной свежести и пряного запаха палой листвы.

Они шагали извилистой дорожкой по направлению к ферме Форестеров; в небе висел узкий серп луны, звезды ярко сияли в темноте.

- Виктория, – прервал Тристран затянувшееся молчание.
- Да, Тристран, – отозвалась девушка, думая о чем-то своем.
- Ты не сочтешь за наглость с моей стороны, если я тебя поцелую?
- Да, – холодно отрезала Виктория, – сочту.
- А-а-а... – протянул Тристран.

Не проронив больше ни слова, они поднялись на холм. Вся деревня лежала перед ними как на ладони, свечи и лампы уютно мерцали мягким желтым светом в окнах, будто приглашая войти. А над головами Тристрана и Виктории сверкали, сияли и переливались холодным светом мириады далеких звезд, и было их столько, что это просто не укладывалось в голове.

Тристран взял маленькую ручку Виктории в свою. Девушка не отняла ее.

- Ты видел? – спросила она, вглядываясь в даль.
- Нет, я ничего не видел, – ответил Тристран. – Я смотрел на тебя.

В лунном свете было видно, что Виктория улыбнулась.

- Ты самая красивая на всем белом свете, – сказал Тристран пылко.
- Да ладно тебе глупости болтать, – мягко возразила Виктория.

– А что ты видела?

– Как упала звезда. В это время года они довольно часто падают.

– Викки, ты меня поцелуешь?

– Нет, – ответила девушка.

– Но ведь ты целовала меня, когда мы были младше. Помнишь, под дубом, в день твоего пятнадцатилетия. И в прошлом году на весеннем празднике – помнишь, за сараем твоего отца...

– Я с тех пор сильно переменилась, – возразила Виктория, – и я не поцелую тебя, Тристран Торн.

– Если не хочешь целоваться просто так, выходи за меня замуж! – выпалил Тристран.

На холме воцарилось молчание, только октябрьский ветер шумел. И тут раздался серебристый смех – предложение удивило и рассмешило самую красивую девушку на всех Британских островах.

– Замуж? За тебя? – спросила она, закончив смеяться. – С чего бы это мне выходить за тебя замуж, Тристран Торн? Что ты можешь мне дать?

– Что я могу тебе дать? Да ради тебя, Виктория Форестер, я отправлюсь в Индию и привезу тебе слоновую кость, и жемчужины с ноготь твоего большого пальца, и рубины с голубинное яйцо. Я поеду в Африку и привезу тебе алмазы размером с крикетные мячи, я найду исток Нила и назову его в твою честь. Я отправлюсь в Америку, аж в самый Сан-Франциско, на золотые прииски, и не вернусь, пока не добуду золота столько, сколько весишь ты, а потом привезу его сюда и сложу к твоим ногам. Я поеду в далекие северные края, убью много огромных медведей и привезу тебе их шкуры.

– У тебя неплохо получалось, – сказала Виктория, – пока дело не дошло до белых медведей. Но все равно я не поцелую тебя, маленький глупенький деревенский мальчишка на побегушках, и не выйду за тебя замуж.

Глаза Тристрана сверкали в лунном свете.

– Тогда я отправлюсь ради тебя в далекий Китай и привезу тебе огромный сундук, набитый шелком, нефритом и опиумом, который отобью у главаря пиратов. Я поеду на край света, в Австралию, и привезу тебе оттуда... м-м-м... – Тристран запнулся, пытаясь припомнить, писали ли что-нибудь в дешевых романах про Австралию. – И привезу тебе оттуда кенгуру, – сказал он наконец. И добавил: – А еще гору опалов. – Насчет опалов он был почти уверен.

Виктория Форестер сжала его руку.

– И что же я буду делать с кенгуру? Ладно, мне пора идти, а то родители хватятся. Они могут подумать что-то не то и будут неправы, ведь я не целовалась с тобой, Тристран Торн.

– Поцелуй меня, – умолял он. – Я что угодно отдам за твой поцелуй – влезу на любую гору, переплыву самую глубокую реку, перейду любую пустыню! – Он широким жестом повел вокруг, указывая и на Застенье, лежащее у их ног, и на звездное небо над ними. В созвездии Ориона, низко над восточным горизонтом, ярко вспыхнула и упала звезда. – Ради твоего поцелуя и дабы добиться твоей руки, – сказал Тристран высокопарно, – я готов принести тебе эту упавшую звезду. – И тут он вздрогнул от холода в своем тонком пальто. Было уже совершенно ясно, что поцелуя ему не получить, и это ставило его в тупик – ведь у мужественных героев из дешевых романов почему-то никогда не возникало проблем с поцелуями.

– Ладно, – сказала Виктория. – Если сумеешь, я согласна.

– Что? – не понял Тристран.

– Если ты принесешь мне звезду, – пояснила Виктория, – ту самую, которая только что упала, я тебя поцелую. И кто знает, может, не только поцелую. Смотри, как удачно для тебя все складывается: не нужно ехать ни в Австралию, ни в далекий Китай.

– Что? – снова переспросил Тристран.

Виктория рассмеялась ему в лицо, отняла свою руку и зашагала вниз с холма к отцовскому дому. Тристран помчался вдогонку.

– Нет, погоди, ты это серьезно?

– Настолько же серьезно, насколько серьезен был ты, когда говорил о рубинах, золоте и опиуме, – ответила она. – Кстати, а что такое этот опиум?

– Его добавляют в микстуру от кашля, – сказал Тристран. – Что-то вроде эвкалипта.

– Да уж, звучит не очень-то романтично, – наморщила носик Виктория Форестер. – Ну что, отправишься на поиски звезды, что упала там, на востоке, глупый мальчишка на побегушках? – весело спросила она. – Или так и будешь разносить по домам продукты для рисового пудинга?

– А если я принесу тебе упавшую звезду? – небрежно спросил Тристран. – Что я получу в награду? Поцелуй? Или руку и сердце?

– Все, что захочешь, – весело сказала Виктория.

– Клянешься?

До дома Форестеров оставалась какая-нибудь сотня метров. Теплый желто-оранжевый свет горел в окнах.

– Конечно, – кивнула Виктория с улыбкой.

По такой погоде дорожка, ведущая к дому Форестеров, превратилась под копытами лошадей, коров и овец в сплошное месиво. Тристран Торн встал на колени прямо в грязь, не жалея ни пальто, ни шерстяных брюк.

– Я принимаю твою клятву, – сказал он.

В этот момент снова подул ветер с востока.

– Позвольте откланяться, моя прекрасная леди, – сказал Тристран Торн. – Меня призывают неотложные дела на востоке.

Он встал, не замечая, что его колени и полы пальто покрыты грязью, и низко поклонился девушке, сняв перед ней шляпу.

Виктория Форестер только посмеялась над тощим нескладным мальчишкой-рассыльным из лавки. Ее серебристый смех преследовал Тристрана еще долго, пока он спускался вниз по холму.

Тристран Торн бежал всю дорогу. Кусты ежевики цеплялись за его одежду, ветка дерева чуть не сбита с головы шляпу.

Растрепанный, спотыкаясь и едва переводя дыхание от быстрого бега, он, наконец, добрался до своего дома на Западных лугах.

– Ты только полюбуйся на себя! – воскликнула его матушка. – На кого ты похож?!

Он лишь улыбнулся ей в ответ.

– Тристран, – окликнул его отец, в свои тридцать пять такой же крепкий и веснушчатый, как и много лет назад, хотя в его каштановых кудрях появились ниточки седины, – к тебе мать обращается, ты что, не слышишь?

– Простите меня, отец, мама, – сказал Тристран, – но сегодня я ухожу из деревни. Возможно, меня не будет некоторое время.

– Что за чушь! – отозвалась Дейзи Торн. – В жизни не слышала такой ерунды.

Однако Данстан Торн внимательно посмотрел сыну в глаза и сказал жене:

– погоди-ка, дай я сам с ним поговорю.

Дейзи бросила на мужа недовольный взгляд и кивнула.

– Отлично! – сказала она. – А кто, интересно, будет зашивать ему пальто? – И вышла из кухни.

Огонь в камине поблескивал зеленым и лиловым, вспыхивая серебристыми искорками.

– И куда же ты собрался? – спросил Данстан сына.

– На восток.

Отец кивнул. В Застенье, если можно так выразиться, было два востока: на востоке за лесом располагалось соседнее графство, и на востоке же начинались земли По Ту Сторону Стены. Данстану Торну не было нужды уточнять, на какой именно восток собирается отправиться его сын.

– Но ты вернешься?

– Конечно, – ответил Тристран с широкой улыбкой.

– Хорошо, – кивнул его отец. – Тогда все в порядке. – Он почесал нос. – Ты уже решил, как именно проникнешь за Стену?

Тристран покачал головой.

– Придумаю что-нибудь, – беспечно сказал он. – Если нужно будет, проложу себе дорогу силой.

– Ни в коем случае. Ты только представь, например, меня – или себя – на месте стражей! Я не хочу, чтобы кто-нибудь пострадал. – Данстан снова задумчиво почесал нос. – Ладно, иди, собирай вещи. И поцелуй маму на прощание. А я провожу тебя до окраины деревни.

Тристран собрал свои вещи в дорожную сумку. Мать принесла ему шесть красных спелых яблок, домашний каравай и головку белого домашнего сыра, и он сложил их туда же. Миссис Торн даже не смотрела на него. Он чмокнул ее в щеку, попрощался, и они с отцом пошли по деревне в сторону Стены.

Впервые Тристран стоял там на страже, когда ему исполнилось шестнадцать. Тогда он получил только одну инструкцию: не выпускать за Стену никого со стороны Застенья и в случае чего бежать в деревню за помощью.

Шагая рядом с отцом, юноша гадал, что у отца на уме. Может быть, им вдвоем удастся одолеть стражей? А может, отец отвлечет их и даст Тристрану возможность проскользнуть незамеченным. А может...

К тому времени, когда они дошли до Стены, он перебрал в голове все возможные варианты, но даже представить не мог того, что произошло на самом деле.

В тот вечер караул у Стены несли Гарольд Кратчбек и мистер Бромиос. Гарольд, сын мельника, крепкий молодой парень, был на несколько лет старше Тристрана. А мистер Бромиос был по-прежнему черноволос и зеленоглаз, улыбка его была все так же белоснежна, и пахло от него виноградом, ячменем и хмелем.

Данстан Торн подошел к мистеру Бромиосу и остановился прямо перед ним, переминаясь с ноги на ногу на вечернем ветру.

– Добрый вечер, мистер Бромиос. Привет, Гарольд, – сказал он.

– Добрый вечер, мистер Торн, – ответил Гарольд Кратчбек.

– Добрый вечер, Данстан, – кивнул мистер Бромиос. – Надеюсь, у тебя все в порядке.

Данстан сказал, что так и есть, потом они поговорили о погоде и сошлись во мнении, что фермерам она не сулит ничего хорошего, так как, судя по обилию плодов на падубе и тисе, зима будет холодной и суровой.

Тристран слушал эти разговоры с нарастающим нетерпением и разочарованием, но счел за лучшее промолчать.

Наконец Данстан перешел к делу:

– Мистер Бромиос, Гарольд, вы ведь оба знаете моего сына Тристрана.

Юноша с волнением приподнял свой котелок.

И тут его отец стал говорить загадками.

– Думаю, вам известно и то, откуда он появился, – сказал Данстан.

Мистер Бромиос молча кивнул, а Гарольд Кратчбек сказал, что что-то такое слышал, хотя слухам не стоит верить даже наполовину.

– Так вот, это правда, – сказал Данстан. – И теперь пришло время ему вернуться обратно.

– Там звезда... – начал было объяснять Тристран, но отец цыкнул на него.

Мистер Бромиос потер подбородок и взъерошил пятерней свои черные кудри.

– Ну что ж, – сказал он, повернулся к Гарольду и начал что-то шептать ему на ухо – Тристрану так и не удалось разобрать ни слова.

Отец вложил ему в руку что-то холодное и сказал:

– Иди, мой мальчик. Иди и возвращайся со своей звездой, и да поможет тебе Господь и все Его ангелы.

Мистер Бромиос и Гарольд Кратчбек расступились и пропустили Тристрана.

Он прошел сквозь пролом в каменной Стене и ступил на луг По Ту Сторону. Оглянувшись, юноша удивленно посмотрел на троих мужчин, стоявших в проеме, – он так и не понял, почему ему все-таки разрешили пройти.

С сумкой в одной руке и таинственной вещицей, которую сунул ему отец, – в другой Тристран Торн побрел по пологому холму в сторону леса.

Он шел, и ему казалось, что с каждым шагом становится все теплее. А дойдя до леса, что рос на вершине холма, он с изумлением заметил, что сквозь ветви деревьев ярко светит луна. Это удивило его, ведь луна вообще-то села уже час назад; но он изумился еще больше, осознав, что зашедшая луна была узеньким серпом, а сейчас на него светит полный золотой диск.

И вдруг холодная вещица, которую он держал в руке, мелодично тренькнула, будто колокольчик в игрушечном хрустальном соборе. Тристран раскрыл ладонь и поднял отцовский подарок к свету.

Это был подснежник, весь из стекла.

В лицо Тристрану подул теплый ветер, который принес запахи перечной мяты, смородинового листа и спелых красных слив, и юноша вдруг осознал всю серьезность своего поступка – ведь он отправился в Волшебную страну на поиски упавшей звезды, совершенно не представляя себе, где ее искать и как избежать подстерегающих его на пути опасностей.

Тристран оглянулся и увидел вдали огни Застенья, которые мерцали, будто сквозь какое-то марево, но все еще манили. Он знал, что, если вернется обратно, никто его не осудит: ни отец, ни мать – и даже Виктория Форестер при встрече не станет смеяться над ним и обзывать мальчишкой на побегушках, отпуская шуточки о том, как трудно искать упавшие звезды.

Мгновение он колебался.

Потом вспомнил о губах Виктории, ее серых глазах и серебристом смехе, расправил плечи и вставил стеклянный подснежник в верхнюю петельку расстегнутого пальто.

Слишком наивный, чтобы бояться, и слишком юный, чтобы благоговеть, Тристран Торн зашагал по уже известным нам полям... в глубь Волшебной страны.

Глава III

В которой мы знакомимся с некоторыми другими персонажами, которые и ныне живы и которых тоже интересует судьба упавшей звезды

Крепость Штормхолд была воздвигнута на высочайшем пике горы Хуон первым владельцем Штормхолда, который правил с конца Первой Эры до начала Второй. Последующие владельцы замка расширили и перестроили его, пробивая новые залы и коридоры все глубже и глубже в недрах горы, пока не добрались до самого ее подножия, и теперь он вгрызался в небо, напоминая украшенный искусной резьбой бивень какого-то огромного серого гранитного зверя, и упирался прямо в грозовые тучи, готовые обрушиться на землю дождь, молнии и другие напасти.

Восемьдесят первый властитель Штормхолда лежал на смертном одре в своей опочивальне, расположенной в пещере, зияющей в скале, как дупло в больном зубе. Как известно, даже в Волшебной стране смерть еще не победили.

Он призвал к себе всех своих детей – и живых, и умерших, – и они стояли теперь, вздрагивая от холода в ледяных гранитных чертогах, вокруг отцовского ложа в почтительном ожидании: живые по правую руку, умершие – по левую.

Четверо из сыновей владыки Штормхолда уже отошли в мир иной – Секундус, Квинтус, Квартус и Секстус: они застыли неподвижными серыми фигурами, бесплотными и молчаливыми.

Трое оставшихся в живых – Праймус, Терциус и Септимус – стояли по правую руку от отца, неловко переминались с ноги на ногу и почесывали то нос, то щеку, словно стесняясь безмолвного присутствия своих мертвых братьев; они старались даже не смотреть в ту сторону, изо всех сил делая вид, что в опочивальне, огромные окна которой были просто прорублены в толще гранита и совсем не защищали от холодных ветров, нет никого, кроме них самих и отца. Возможно, причиной такого поведения живых принцев было то, что они попросту не видели своих умерших братьев. А может, они предпочитали не замечать покойных именно потому, что сами же их и убили, каждый по одному (за исключением Септимуса, который Квинтусу подмешал яд в пряный соус, которым были приправлены копченые угри, а Секстуса просто взял и столкнул в пропасть, когда они как-то ночью вдвоем любовались грозой, разыгравшейся далеко внизу у подножия замка). Отец так и не мог понять: то ли в них заговорила совесть, то ли они боялись разоблачения, то ли привидений.

В глубине души восемьдесят первый властитель Штормхолда надеялся, что ко времени его кончины этот мир покинут шестеро из семи наследников, и в живых останется только один. Он-то и станет восемьдесят вторым властителем Штормхолда и Повелителем Высоких утесов – именно так получил свой титул он сам несколько сотен лет назад. Но куда там нынешней мягкотелой молодежи! Нет в ней той неукротимой энергии, той силы, того напора, которые ощущал он в молодости...

Послышались чьи-то слова, и умирающий заставил себя сосредоточиться.

– Отец, – повторил Праймус глухим басом, – мы собрались и ожидаем твоего решения.

Старик пристально посмотрел на него. Потом с каким-то жутким шипением выдохнул холодный воздух из легких и голосом, ледяным, как гранит, произнес:

– Я умираю. Истекают мои последние минуты. Вы отнесете мои останки в недра горы, в Чертог предков, и положите их – то есть меня – в восемьдесят первую нишу, первую из пustu-

ющих, где я и упокоюсь навеки. Если же вы не сделаете этого, то на вас падет проклятие и башня Штормхолда обрушится.

Трое его живых сыновей ничего не сказали. Шепот донесся со стороны четырех умерших – видимо, они сожалели, что их кости расклевали орлы или унесли в море бурные воды рек, и им не суждено покоиться в Чертоге предков.

– Теперь о престолонаследовании, – продолжил старик, дыша со свистом, как будто воздух выходил из прогнивших кузнечных мехов.

Его живые сыновья подняли головы. Старший, Праймус – с сединой, уже проступавшей в густой русой бороде, орлиным носом и серыми глазами, – глядел с надеждой. Во взгляде Терциуса, у которого борода была золотисто-рыжей, а глаза – желто-карими, читалась настороженность. Взгляд высокого, похожего на ворона Септимуса, у которого еще только начинала пробиваться черная бородка, как обычно, не выражал ничего.

– Праймус, подойди к окну.

Тот подошел к дыре в скале и выглянул наружу.

– Что ты видишь?

– Ничего, сэр, кроме вечернего неба над нами и облаков внизу.

Старика бил озноб, не помогало даже одеяло из медвежьей шкуры.

– Терциус, подойди к окну. Что ты видишь?

– Ничего, отец. Все так, как сказал тебе Праймус. Над нами нависло вечернее небо цвета кровоподтека; внизу мир устлан облаками, серыми и волнистыми.

Старик бешено завращал глазами и стал похож на хищную птицу.

– Септимус, ты! К окну!

Его младший сын встал рядом с братьями, держась на расстоянии.

– А ты? Что видишь ты?

Тот выглянул. Резкий ветер подул ему в лицо, на глаза навернулись слезы. В темно-синем небе слабо мерцала одинокая звездочка.

– Я вижу звезду, отец.

– Ох, – тяжело выдохнул восемьдесят первый властитель Штормхолда. – А ну-ка подведите меня к окну.

Четверо умерших сыновей с грустью смотрели, как трое живых ведут отца к окну. Тяжело опираясь на их широкие плечи, он пристально вгляделся в свинцовое небо. Узловатые, похожие на ветви пальцы старого лорда сомкнулись вокруг прекрасного топаза, висевшего на массивной серебряной цепи у него на груди, и она порвалась, словно паутинка. Он сжал камень в кулаке.

Усопшие лорды зашептались меж собой мертвыми голосами, похожими на шелест падающего снега: они узнали этот топаз, он был символом власти над Штормхолдом. Кто наденет его, тот и станет хозяином замка, если, конечно, в его жилах течет кровь Штормхолда. Кому же из оставшихся в живых сыновей восемьдесят первый властитель вручит камень?

Живые сыновья молча глядели на отца: один – с надеждой, второй – настороженно, а третий – с безразличием (но это было обманчивое безразличие, подобное холодному равнодушию скалы, которое осознаешь, только поняв – она неприступна и нет пути обратно).

Старик отстранил сыновей и выпрямился во весь свой немалый рост. В это мгновение он снова превратился в грозного повелителя Штормхолда, который одержал победу над северными гоблинами в битве при Скалистом кряже, родил от трех жен восьмерых детей (из которых семеро – сыновья) и, когда ему не было еще и двадцати, убил в бою четверых своих братьев, в том числе и того, который был почти в пять раз старше и считался непобедимым.

Величественный старик зажал в руке топаз и произнес на давно забытом языке четыре слова, которые потрясли воздух подобно огромному бронзовому гонгу. И выбросил камень в окно.

Оставшиеся в живых сыновья, затаив дыхание, смотрели, как топаз взлетает по дуге вверх. Он достиг высшей точки, но, вопреки всем ожиданиям, продолжал лететь все дальше в ночное небо, усеянное звездами.

– Тот из вас, кто найдет этот камень, дающий власть над Штормхолдом, получит мое благословение и Штормхолд со всеми подвластными ему землями, – произнес восемьдесят первый властитель, и с каждым словом его голос звучал все тише и тише, пока не превратился в шепот глубокого старика, похожее на свист ветра в заброшенном доме.

Братья – живые и мертвые – не сводили глаз с камня, который летел все выше и выше, пока совсем не скрылся из виду.

– Но как?! Нам что, оседлать орлов и лететь в небеса? – озадаченно спросил Терциус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.